

Д Ж О Н А Т А Н Ф Р А Н З Е Н

Б Е З
Г Р Е
Ш Н О
С Т Ь

CoRpus

Р О М А Н

Джонатан Франзен

Безгрешность

«Corpus (ACT)»

2015

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Франзен Д.

Безгрешность / Д. Франзен — «Corpus (АСТ)», 2015

ISBN 978-5-17-091910-9

Двадцатитрехлетняя Пип ненавидит свое полное имя, не знает, кто ее отец, не может расплатиться с учебным долгом, не умеет строить отношения с мужчинами. Она выросла с эксцентричной матерью, которая боготворит единственную дочь и наотрез отказывается говорить с ней о своем прошлом. Пип не догадывается, сколько судеб она связывает между собой и какой сильной ее делает способность отличать хорошее от плохого. Следуя за героиней в ее отважном поиске самой себя, Джонатан Франзен затрагивает важнейшие проблемы, стоящие перед современным обществом: это и тоталитарная сущность интернета, и оружие массового поражения, и наследие социализма в Восточной Европе. Однако, несмотря на неизменную монументальность и верность классической традиции, “Безгрешность”, по признанию критиков, стала самым личным и тонким романом Франзена.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-091910-9

© Франзен Д., 2015
© Corpus (АСТ), 2015

Содержание

В Окленде	6
Понедельник	6
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Джонатан Франзен

Безгрешность

© Jonathan Franzen, 2015

© Л. Мотылев, перевод на русский язык, главы “Ферма «Лунное сияние»”, “le1o9n8a0rd”, “Убийца”, “Стук дождя”, 2016

© Л. Сумм, перевод на русский язык, главы “В Окленде”, “Республика дурного вкуса”, “Лишняя информация” (под ред. Л. Мотылева), 2016

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2016

© ООО “Издательство АСТ”, 2016

Издательство CORPUS ®

* * *

Посвящается Элизабет Робинсон

...Die stets das Böse will und stets das Gute schafft¹.

¹ Творит добро, всему желая зла (нем.). Гете, “Фауст”, перевод Б. Пастернака. Здесь и далее – прим. перев.

В Окленде

Понедельник

– Котенок, я так рада тебя слышать! – сказала ей мать по телефону. – Ты знаешь, тело опять меня подводит. Порой мне кажется, вся моя жизнь – одна долгая, многоэтапная измена тела.

– Разве не всякая жизнь так устроена? – откликнулась Пип. Она завела привычку звонить матери посреди обеденного перерыва. Это помогало хоть ненадолго избавиться от чувства, что она не годна к этой работе, что к работе в “Возобновляемых решениях” ни один человек не годен – или, наоборот, что все дело в ней самой, что ей ни одна работа не подойдет; проговорив минут двадцать, она могла, не кривя душой, сказать матери, что ей пора возвращаться к делам.

– Левое веко вниз тянет, – объяснила мать. – Как будто к нему грузик подвешен, грузило на тоненькой леске.

– Прямо сейчас?

– То потянет, то отпустит. Начинаю бояться: может быть, это паралич Белла?

– Не знаю, что такое паралич Белла, но это точно не он.

– Как ты можешь быть уверена, котенок, если даже не знаешь, что это такое?

– Ну... ведь у тебя уже “была” болезнь Грейвса? Потом гипертиреоз? И меланома?

Не то чтобы Пип нравилось высмеивать маму с ее болячками, но любой их разговор был чреват “моральным риском” – этот весьма полезный термин девушка усвоила, когда начала в колледже экономику. В материнской экономике она была чем-то вроде очень крупного банка, чье банкротство совершенно недопустимо, или ценнейшим сотрудником, которого невозможно уволить за нахальство, потому что без него не обойтись. Кое у кого из оклендских подруг тоже были непростые родители, но все же каждой из них удавалось поддерживать с родителями ежедневное общение без неподобающих странностей, потому что даже в самом трудном случае дочь не была для старшего поколения, как Пип для ее матери, единственным светом в окошке.

– Мне кажется, я не смогу сегодня пойти на работу, – сказала мать. – Мне только медитация дает для нее силы, а никакой медитации толком не получится, когда веко тянет вниз *невидимое грузило*.

– Мама, ты не можешь снова сказать больно. Еще даже июль не наступил. А если потом и правда заболеешь каким-нибудь гриппом?

– И пусть все удивляются: что это за старуха пакует их закупки, а у самой пол-лица до плеча свисает? Как же я завидую твоему личному отсеку в офисе, ты себе не представляешь. Твоей невидимости.

– Вот уж отсек идеализировать не стоит, – заметила Пип.

– Самое ужасное в телах именно это – их видимость. Они очень *видимы*, очень.

Нет, мать Пип не была сумасшедшей, хоть и страдала хронической депрессией. На должности кассирши супермаркета в Фелтоне, торговавшего натуральными продуктами, она держалась уже десять лет с лишним, и Пип прекрасно могла уследить, о чем мать говорит и почему, если отказывалась на время от собственного образа мыслей и подчинялась материнскому. На серых стенках офисного отсека Пип имелось единственное украшение – наклейка на бампер: ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ С ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДОЙ ВОЙНА ИДЕТ ХОРОШО. Другие сотрудники оклеили свои отсеки фотографиями и вырезками из журналов, но Пип, подобно ее матери, чувствовала притягательную силу невидимости. К тому же стоит ли вить гнездышко, если тебя не сегодня завтра уволят?

- Ты уже думала, как мы *не будем* праздновать *твой день*? – напомнила она матери.
 - Честно говоря, я бы весь этот день провела в постели, укрывшись с головой. Я и без него прекрасно помню, что старею и старею. Мое веко очень хорошо мне об этом напоминает.
 - Давай я сделаю торт, приеду, и съедем его вместе. Ты что-то сегодня совсем мрачная.
 - Увижу тебя – не буду мрачной.
 - Гм... Жаль, что меня не продают в таблетках. Торт со стевией² подойдет?
 - Не знаю. Химия моей слюны на стевию реагирует как-то странно. Вкусовые бугорки, по моему опыту, не так легко обмануть.
 - Сахар тоже дает послевкусие, – заметила Пип, хоть и понимала, что шансов выиграть спор у нее нет.
 - Сахар дает *кислое* послевкусие, с которым у вкусового бугорка проблем не возникает: он так устроен, что сообщает о кислом, но не сосредоточивается на нем. Не сигнализирует пять часов подряд: странно, странно! Как было в тот единственный раз, когда я выпила что-то со стевией.
 - Кислый привкус все-таки тоже не сразу исчезает.
 - Это никуда не годится, если бугорки все еще чувствуют странность через пять часов после того, как выпьешь подслащенный напиток. Ты слыхала, что стоит один-единственный раз покурить метамфетамин, и вся химия мозга изменится до конца твоих дней? Вот о чем мне напомнил вкус стевии.
 - Я тут не балуюсь метом, если ты на это намекаешь.
 - Я намекаю, что никакого торта мне не нужно.
 - Ладно, придумаю другой торт. Прости, что предложила тебе *отраву*.
 - Я не говорила, что это отрава. Просто стевия как-то странно действует...
 - ...на химию твоей слюны, поняла.
 - Котенок, я буду есть любой торт, какой ты привезешь, от ложки рафинированного сахара я не умру. Я не хотела тебя огорчить. Ну пожалуйста, хорошая моя!
- Звонок нельзя было считать завершенным, пока они друг друга не изведут. С точки зрения Пип, проблема – то, что сковывало ее, глубинная причина, по которой она ни в чем не могла достичь результата, – заключалась вот в чем: она любила маму. Жалела ее, страдала с ней на пару, телом отзывалась на звук ее голоса, испытывала асексуальную, но выводящую из равновесия физическую тягу к ней, тревожилась даже о химии ее слюны, хотела видеть ее более счастливой, терпеть не могла ее расстраивать, находила ее милой. Это был массивный кусок гранита посреди ее жизни – источник сарказма и злости, которые она направляла не только на мать, но и на менее подходящие объекты, причем в последнее время со все более скверными последствиями для себя. Когда Пип злилась, то не на мать на самом деле, а на этот гранитный блок.
- Ей было восемь или девять, когда она додумалась спросить, почему в их маленьком домике под секвойями поблизости от Фелтона празднуется только ее день рождения. Мама ответила, что у нее, у мамы, дня рождения нет, что ей важен только день рождения Пип. Но Пип не отставала, пока мама не согласилась считать “своим днем” летнее солнцестояние и отмечать его тортиком. После этого естественным порядком возник и вопрос о мамином возрасте, на который она отвечать отказалась, лишь сообщив с улыбкой дзэнского наставника, произносящего коан:
- Мне достаточно лет, чтобы быть твоей мамой.
 - Но сколько же тебе все-таки?
 - Погляди на мои руки, – предложила ей мама. – Когда наберешься опыта, сможешь узнавать возраст женщины по рукам.

² *Стевия* – многолетнее растение. Используется как сахарозаменитель.

И тогда – словно впервые – Пип присмотрелась к маминым ладоням. Кожа на тыльной стороне была не такой розовой и непрозрачной, как у нее самой. Казалось, будто кости и сосуды силятся выйти на поверхность, будто кожа – вода в мелеющем заливе, из-под которой выступают неровности дна. Хотя волосы у мамы были густые и очень длинные, в них попадались сухие на вид седые пряди, а кожа на горле напоминала кожуру перезрелого персика. В ту ночь Пип долго не могла уснуть: все думала, не умрет ли мама в скором времени. Это было предвестие гранитного блока.

За последующие годы в ней развилось пламенное желание, чтобы в жизни матери появился мужчина или хоть кто-нибудь, какой-нибудь человек, помимо нее, который бы ее любил. Как потенциальных кандидатов она рассматривала то соседку Линду, тоже мать-одиночку и тоже изучающую санскрит; то Эрни, мясника из маминого супермаркета и притом вегана, как и мама; то педиатра Ванессу Тонг, которая обрушила на маму свою влюбленность в форме настойчивых приглашений понаблюдать вместе за жизнью птиц; то Сонни, здешнего мастера на все руки с окладистой бородой, которому любой ремонт давал повод для разговора о жизни и обычаях индейцев пуэбло в старые времена. Все эти сердечные обитатели долины Сан-Лоренсо заметили в матери Пип то, что и сама Пип подростком в ней увидела и чем стала гордиться: некое невыразимое величие. Необязательно братья за перо, чтобы стать поэтом, и не всякий художник что-то рисует. Духовная, медитативная жизнь матери сама по себе была искусством – искусством невидимости. Телевизора в их домике не было никогда, компьютера, пока Пип не исполнилось двенадцать, тоже не было; новости мама черпала главным образом из газеты “Санта-Круз сентинел”, которую читала ради ежедневного мини-удовольствия испытать тихий ужас перед тем, что творится в мире. Само по себе такое не было диковинкой в их долине; людей смущала, однако, исходившая от матери застенчивая уверенность в собственном величии – по крайней мере, держалась она так, словно в том прошлом до рождения Пип, о котором она наотрез отказывалась говорить, была кем-то значительным. И то, что соседка Линда могла поставить своего сына Дэмиана, ловца лягушек с вечно раззявленным ртом, на одну доску с ее неповторимой и безупречной Пип, мать даже не обижало – это повергало ее в уныние. Что до мясника, она воображала, что навсегда травмирует его, если скажет, что даже после душа он пахнет мясом; она страдала, придумывая предлоги для отказа от приглашений Ванессы Тонг, но так и не сказала ей, что боится птиц; когда же к домику на своем пикапе с высоким клиренсом подъезжал Сонни, мать посылала Пип открыть переднюю дверь, а сама уходила в лес через заднюю. Возможность быть такой невыносимо привередливой обеспечивала ей Пип: снова и снова мать давала всем понять, что Пип – единственная, кто сполна отвечает требованиям, единственная, кого *она* любит.

Для Пип все это, конечно, сделалось источником мучительного смущения, когда она достигла юности. При этом, злясь на мать и говоря ей неприятные вещи, она упускала из виду ущерб, который материнская склонность витать в облаках наносила ее, Пип, жизненным перспективам. Никто не подсказал вовремя Пип, что закончить колледж с долгом в сто тридцать тысяч долларов по учебному кредиту – не лучшее начало жизненного пути для человека, желающего нести в мир что-то хорошее. Никто не предупредил, что на собеседовании с Игорем, главой клиентского отдела “Возобновляемых решений”, следует обратить внимание не на “тридцать – сорок тысяч комиссионных” в первый же год работы, а на размер базовой зарплаты: двадцать одна тысяча долларов. Никто не предостерег, что Игорь с его умением убеждать клиентов может ловко подсунуть неопытной выпускнице дерьмовую должность.

– Насчет выходных, – жестким тоном произнесла Пип. – Предупреждаю: я намерена говорить с тобой о том, о чем ты говорить не хочешь.

Мать испустила легкий смешок, по идее обаятельно-беззащитный.

– Есть только одно, о чем я не люблю с тобой говорить.

– Вот об этом-то я и хочу поговорить. Так что готовься.

На это мать ничего не ответила. Там, в Фелтоне, утренний туман уже, наверно, рассеялся, туман, с которым мать каждый день прощалась с сожалением, поскольку предпочитала не принадлежать к яркому дневному миру. Медитация лучше всего шла под защитой серого утра. Сейчас там, наверно, солнечный свет, зеленовато-золотой благодаря фильтру из иголок секвой; сейчас летняя жара сочится сквозь сетчатые окна на веранду, где стоит кровать, которую Пип в свое время присвоила в подростковой жажде уединения, отправив мать в комнату на раскладушку. После ее отъезда в колледж мать вернулась на веранду, и там-то она, скорее всего, и лежит сейчас, предаваясь медитации. А если так, то не заговорит, пока к ней не обратятся: полностью сосредоточилась на дыхании.

– Ничего личного, не бойся, – сказала Пип. – И я никуда от тебя не денусь. Но мне нужны деньги, у тебя их нет, у меня тоже, и я знаю только один способ их получить. Только один человек на свете мне что-то *теоретически* может быть должен. Вот об этом и пойдет разговор.

– Котенок, – печально отозвалась мать, – ты же знаешь, что это бесполезно. Мне очень жаль, что ты нуждаешься, но вопрос не в том, хочу я или не хочу, а в том, могу я или нет. Не могу, так что придется поискать какой-нибудь другой выход.

Пип нахмурилась. Довольно часто она чувствовала потребность растянуть ту смиренную рубашку, в которую обстоятельства загнали ее два года назад, проверить, не окажутся ли на этот раз податливее рукава. Но рубашка неизменно оказывалась столь же тугой, как прежде. Все те же сто тридцать тысяч долга, все та же роль единственной отрады бедной матери. Поразительно, как мгновенно и радикально она лишилась свободы, едва истекли четыре вольных студенческих года. Эта мысль, вероятно, вогнала бы ее в депрессию, если бы она могла позволить себе раскиснуть.

– Ну, мне уже некогда, давай прощаться, – сказала она в трубку. – И ты одевайся на работу. Глаз, скорее всего, дергается потому, что не высыпaeшься. Со мной тоже такое случается, когда недосплю.

– Правда? – с энтузиазмом откликнулась мать. – С тобой такое бывает?

Пип понимала, что сейчас разговор затянется и, возможно, перейдет в обсуждение наследственных заболеваний, причем от нее потребуется масса лукавства; но она сочла, что матери полезнее подумать о своей бессоннице, чем о параличе Белла, – хотя бы потому, что от бессонницы, в чем Пип безуспешно пыталась убедить мать уже не один год, имеются эффективные средства. В итоге, когда Игорь в 13:22 заглянул в отсек Пип, она еще висела на телефоне.

– Извини, мама, я уже не могу, пока! – И она повесила трубку.

Игорь стоял, уставив на нее свой Взгляд. Игорь был русский – светловолосый, шелковобородый, бессовестно красивый. Пип была убеждена, что он до сих пор не уволил ее лишь потому, что с удовольствием подумывает, не трахнуть ли ее, но вместе с тем она не сомневалась, что, если бы до этого дошло, ее полнейшее унижение не заставило бы себя долго ждать: ведь у него и внешность, и отличная зарплата, а у нее – у нее ничего, кроме проблем. И еще она была убеждена, что Игорь тоже все это понимает.

– *Прошу извинить*, – с нажимом сказала она ему. – Прошу извинить за эти семь минут. У мамы проблемы со здоровьем. – Она подумала и добавила: – Впрочем, нет. Отменяется. *Не* прошу извинить. Много ли клиентов я бы успела обработать за семь минут?

– У меня что, укоризненный вид? – поинтересовался Игорь, хлопая ресницами.

– Тогда зачем ты пришел? И почему так смотришь?

– Я подумал, не хочешь ли ты сыграть в вопросы и ответы.

– Пожалуй, нет.

– Ты будешь угадывать, чего я от тебя хочу, а я буду отвечать безобидными “да” или “нет”. Прошу занести в протокол: только “да” или “нет”. Лимит – двадцать вопросов.

– Хочешь пойти под суд за сексуальное домогательство?

Игорь рассмеялся, довольный собой донельзя:

– Нет! Осталось девятнадцать вопросов.

– Я, между прочим, не шучу. У меня подруга учится на юриста, она говорит – достаточно создать атмосферу.

– Я жду вопроса.

– Как тебе объяснить, насколько мне это все не смешно?

– Спрашивай так, чтобы я мог ответить “да” или “нет”.

– О господи. Да катись ты!

– Или поговорим об итогах твоей работы за май?

– Иди, иди! Я сию секунду сажусь на телефон.

Игорь вышел, а она вызвала на экран компьютера список телефонов, с отвращением поглядела на них и снова уменьшила табличку. За двадцать два месяца работы в “Возобновляемых решениях” ей всего четыре раза удалось оказаться по итогам месяца не последней, а предпоследней на доске, где отмечалась достигнутая сотрудниками “широта охвата”. И вряд ли можно было считать случайным совпадением, что примерно с такой же частотой – четыре из двадцати двух раз – Пип, поглядев в зеркало, видела там симпатичную особу, а не ту, которая, может, и сошла бы за симпатичную, будь она не Пип, а другая девушка. В какой-то мере, конечно, недовольство своим телом она унаследовала от матери, но о том, что эти проблемы не ее выдумка, ясно свидетельствовал ее опыт с парнями. Многим она очень даже нравилась, но мало кто в итоге не задумался, что же с ней неладно. Игорь вот уже два года ломает голову над этой загадкой. Вечно присматривается к ней так, как она сама присматривается к своему отражению: “Вроде бы вчера она казалась вполне ничего, и все же...”

В колледже Пип, чей ум, как наэлектризованный воздушный шарик, притягивал проплывавшие мимо разрозненные идеи, каким-то образом подхватила мысль, что верх цивилизации – возможность провести воскресное утро в кафе за чтением настоящей бумажной воскресной “Нью-Йорк таймс”. Она возвела это в еженедельный ритуал, и откуда бы эта идея ни взялась, Пип и правда в воскресенье утром чувствовала себя более цивилизованной, чем когда-либо. До какого бы часа она ни пила с друзьями в субботу, ровно в восемь утра Пип покупала “Таймс”, шла в “Кофейню Пита”, брала двойной капучино со сном, занимала раз навсегда облюбованный столик в углу и на два-три часа блаженно забывалась.

Прошедшей зимой у “Пита” она обратила внимание на симпатичного худощавого паренька, который соблюдал тот же воскресный ритуал. Через несколько недель она уже не столько читала новости, сколько думала, как она выглядит, читая новости, и не пора ли поднять глаза и перехватить взгляд парня, когда тот посмотрит на нее, и в конце концов стало ясно: надо либо искать новую кофейню, либо заговорить с ним. В очередной раз поймав на себе его взгляд, Пип попыталась изобразить приветливый наклон головы – вышло до того механически и искусственно, что она поразила мгновением, с какой это подействовало: парень сразу поднялся, подошел и без смущения предложил, поскольку они встречаются тут каждую неделю в одно и то же время, брать одну газету на двоих и тем самым беречь леса от вырубки.

– А если мы захотим один и тот же раздел? – поинтересовалась Пип с долей враждебности.

– Вы начали ходить сюда раньше, – ответил парень, – поэтому первый выбор будет за вами.

После чего он раскритиковал своих родителей, жителей города Колледж-Стейшн, Техас, за неэкологичную привычку покупать два номера воскресной “Таймс”, чтобы не спорить, кому какой раздел.

Пип, которая порой была как собака, способная понять в потоке человеческой речи лишь свою кличку да пять простых слов, услышала одно: парень вырос в нормальной семье с двумя родителями и без денежных проблем.

– Но это вообще-то единственное время за всю неделю, когда я могу побыть сама по себе.

– Извините, – сказал парень, отступая. – Мне просто показалось, вы что-то хотели сказать.

На интерес к ней со стороны парней ее возраста Пип не умела реагировать без враждебности. Отчасти дело было в том, что она никому в мире, кроме матери, не доверяла. В старших классах и колледже горький опыт научил ее: чем парень милее, тем хуже придется им обоим, когда он увидит, что у Пип внутри куда больший бардак, чем можно подумать, судя по ее милой внешности. Чему она пока еще не научилась – это не хотеть общения с кем-нибудь милым. Это прекрасно чувляли парни иного сорта, которых милыми вряд ли можно назвать, и умело этим пользовались. В итоге она перестала доверять всем молодым людям вообще, тем более что не очень-то умела понять, милый он или нет, пока дело не дойдет до постели.

– Может быть, выпьем кофе в какой-нибудь другой день? – предложила она парню. – Будним утром.

– Конечно, – неуверенно отозвался он.

– Потому что раз мы поговорили, значит, переглядываться уже не надо. Можем спокойно читать каждый свою газету, как ваши родители.

– Меня, между прочим, Джейсон зовут.

– А меня Пип. Ну вот, теперь мы еще и по имени друг друга знаем – тем более нет нужды переглядываться. Я могу думать: а, это Джейсон, ну и что? Вы можете думать: а, это Пип, ну и что?

Он рассмеялся. Далее в разговоре выяснилось, что он выпускник Стэнфорда, математик и – мечта для человека с его дипломом – работает в организации, которая занимается развитием математической грамотности в стране. Учебником, который пишет, он надеется произвести переворот в преподавании статистики. После двух свиданий он уже нравился Пип достаточно, чтобы она подумала: надо лечь с ним в постель. Если долго откладывать, можно ему, себе или обоим сделать больно. Джейсон увидит всю ее мешанину денежных и эмоциональных задолженностей и обратится в бегство. Или же придется ему сказать, что более глубокие ее чувства принадлежат мужчине намного старше, который мало того что не верит в деньги – ни в американскую валюту, ни в саму необходимость их иметь, – но еще и женат.

Чтобы не вовсе о себе умалчивать, она рассказала Джейсону, что в свободное время занимается волонтерством в области ядерного разоружения, но оказалось, что он знает на эту тему куда больше нее, хотя это ее “работа”, а не его, и потому она опять ощутила к нему некоторую враждебность. К счастью, он был большой говорун, любитель фантастических романов Филипа Дика, сериала “Во все тяжкие”, каланов и пум, энтузиаст применения математики к повседневной жизни и автор нового геометрического метода преподавания статистики, который он так здорово сумел разьяснить, что Пип почти поняла. На третьем свидании в ресторанчике, где Пип вынуждена была изображать отсутствие аппетита, поскольку с обналичиванием зарплатного чека у нее вышла задержка, она оказалась перед выбором: рискнуть утратой нового друга – или решиться на необременительный секс.

Выйдя из ресторана в легкий туман на тихую воскресным вечером Телеграф-авеню, она выдала Джейсону кое-какие авансы, и он не остался в долгу. Прижимаясь к нему, она чувствовала, как урчит у нее в животе; оставалось надеяться, что Джейсон не слышит.

– Пойдем к тебе? – шепнула она ему на ухо.

Увы, ответил Джейсон, к нему нельзя, приехала в гости сестра.

При слове “сестра” сердце Пип враждебно сжалось. Не имея братьев и сестер, она не могла удерживаться от раздражения при мысли о чужих братьях и сестрах, об их требовательности и в то же время готовности помочь, об этой нормальности семейного устройства, об унаследованном капитале близости.

– Можем ко мне, – сказала она не слишком ласково. И так была погружена в недобрые мысли о сестре Джейсона, которая преградила ей путь в его спальню (и, если уж на то пошло, в его сердце, хотя на сердце она, честно говоря, не очень-то претендовала), так была озабочена обстоятельствами своей жизни, пока они с Джейсоном, держась за руки, шли по Телеграф-авеню, что лишь у двери дома вспомнила: сюда-то ведь тоже нельзя.

– Ох! – выдохнула она. – Ох! Подождешь тут минутку, пока я кое-что улажу?

– Конечно, – откликнулся Джейсон.

Она поблагодарила его поцелуем, и они еще минут десять тискались и обжимались на пороге; Пип целиком погрузилась в удовольствие, которое доставляли ласки опрятного и очень умелого парня, но потом отчетливо слышное урчание в животе вернуло ее к действительности.

– Минутку, хорошо? – повторила она.

– Ты *хочешь есть*?

– Нет! То есть вдруг, наверно, да, немножко. А в ресторане не хотелось.

Она вставила ключ в замок и вошла. В гостиной ее соседи – шизофреник Дрейфус и умственно отсталый инвалид Рамон – смотрели баскетбол по добытому на помойке телевизору, к которому третий сосед Стивен, тот самый, в кого Пип была, можно сказать, влюблена, выменял на улице с рук цифровой преобразователь. Тело Дрейфуса, опухшее от лекарств, которые он пока что добросовестно принимал, целиком наполняло приземистое кресло, тоже с помойки.

– Пип, Пип! – закричал Рамон. – Пип, чего ты сейчас делаешь, ты говорила, ты поможешь мне с моим запасом, поможешь мне со слуховым запасом прямо сейчас?

Пип прижала палец к губам, и Рамон обеими руками закрыл себе рот.

– Вот-вот, – негромко прокомментировал Дрейфус. – Она не хочет, чтобы кто-нибудь узнал, что она тут. А почему бы это? Не потому ли, что в кухне засели немецкие шпионы? Слово “шпионы” я использую, разумеется, в самом широком смысле слова, но оно может оказаться вполне уместным, учитывая, что в Оклендской исследовательской группе по ядерному разоружению состоит приблизительно тридцать пять человек, из которых Пип и Стивен отнюдь не самые немаловажные, и тем не менее германцы со всей своей типично германской педантичностью и проницательностью одарили своим вниманием именно наш дом. Любопытный факт, стоит призадуматься.

– Дрейфус! – прошипела Пип, приближаясь к нему вплотную, чтобы не повышать голос.

Дрейфус преспокойно переплел на животе толстые пальцы и продолжал обращаться к Рамону, которому никогда не надоедало слушать Дрейфуса.

– Не в том ли дело, что Пип предпочитает не общаться с немецкими шпионами? Вероятно, сегодня в особенности предпочитает? Поскольку она привела с собой юного поклонника, с коим лобызалась у нас на крыльце добрых пятнадцать минут.

– Это *ты* – шпион! – яростно шепнула Пип. – Ненавижу твоё шпионство!

– Не любит, когда я подмечаю факты, мимо которых не прошел бы ни один разумный человек, – пояснил Дрейфус Рамону. – Подмечать то, что находится прямо у тебя перед носом, отнюдь не значит шпионить, Рамон. И возможно, наши германцы тоже всего лишь подмечают. Но шпиона делает шпионом *мотив*, и тут, Пип, – наконец он обернулся к ней, – тут я бы посоветовал задать самой себе вопрос: что эти проницательные и педантичные немцы делают в нашем доме?

– Ты лекарства принимать не забываешь? – шепнула Пип.

– *Лобызалась*, Рамон. Отличное словарное слово для тебя.

– А чего значит?

– Значит тискаться. Уста прижать к устам. “Поцелуй с корнями вырвать с губ”³.

³ Шекспир, “Отелло”, акт III, сцена 3, перевод А. Радловой.

– Пип, ты поможешь мне со слухар-ным запасом?

– Мне кажется, на этот вечер у нее иные планы, мой друг.

– Не сейчас, милый, позже, – шепнула Пип Рамону, а Дрейфусу напомнила: – Немцы живут у нас, потому что мы их пригласили, ведь у нас была пустая комната. Но ты прав: пожалуйста, не говори им, что я вернулась.

– Что скажешь, Рамон? – спросил Дрейфус. – Будем ей помогать? Или нет? Тебе-то со словарем она помочь не хочет.

– Бога ради, помоги ему сам! У тебя словарный запас ого-го.

Дрейфус опять повернулся к Пип и пристально в нее взгляделся – сплошной интеллект в его глазах, ни грамма чувства. Похоже, лекарствам удалось подавить его безумие настолько, чтобы он не крошил первого встречного в капусту, но из глаз оно ушло не полностью. Стивен уверял Пип, что Дрейфус на всех смотрит одинаково, но она была убеждена, что стоит ему забросить таблетки, и она окажется первой, за кем он погонится с мечом или еще с чем-нибудь, окажется той самой, кого он обвинит во всех мировых бедах, во всеобщем заговоре против него; более того, Пип думалось, что отчасти он прав, видя в ней что-то фальшивое.

– Эти немцы, шпионство их, мне отвратительны, – сообщил ей Дрейфус. – Стоит им переступить порог любого дома, и первая их мысль: как бы этим домом завладеть.

– Они пацифисты, Дрейфус. От всех попыток завоевать мир они отказались лет этак семьдесят тому назад.

– Я хочу, чтобы вы со Стивеном их выгнали.

– Ладно. Выгоним! Но чуть позже. Завтра.

– Мы тут немцев не любим, верно, Рамон?

– Мы любим, как нас тут всего пять, мы семейка, – сказал Рамон.

– Ну... не совсем так. Не одна семья. Нет. У каждого своя, верно, Пип?

Дрейфус снова заглянул ей в глаза, зная, глубоко, со значением – и ни капли человеческого тепла; или это всего лишь отсутствие влечения? Может быть, взгляд любого мужчины сделается столь же бессердечным, если полностью вычест секс? Пип подошла к Рамону, опустила руки на его толстые, покатые плечи:

– Рамон, милый, сегодня я занята. Но завтра весь вечер буду дома. Договорились?

– Договорились, – ответил он, полностью ей доверяя.

Она ринулась обратно к входной двери и впустила Джейсона, который уже дул на пальцы. Когда проходили гостиную, Рамон опять прижал руки к губам, подтверждая готовность хранить молчание; Дрейфус невозмутимо продолжал смотреть баскетбол. Джейсон много чего мог в этом доме увидеть лишнего, к тому же от Дрейфуса и Рамона пахло, от первого дрожжами, от второго мочой; она-то привыкла, но гость вполне может почувствовать. На цыпочках Пип торопливо стала подниматься по лестнице; Джейсон, она надеялась, сообразит, что ему тоже надо побыстрее и потише. Из-за двери на втором этаже слышались знакомые голоса, знакомые интонации: Стивен и его жена разносили друг друга в пух и прах.

В своей крохотной спальне на третьем этаже Пип сразу же повела Джейсона к матрасу, не включая света: не хотела, чтобы он видел ее нищету. Она была чудовищно бедна, однако простыни у нее были свежие: чем-чем, а чистотой она была богата. Переехав год назад в эту комнату, Пип отскребла каждый квадратный сантиметр пола и подоконника, изведя целую бутылку моющего и обеззараживающего средства, а когда заявили в гости мыши, Стивен научил ее напихать во все щели стальной стружки, после чего она снова оттерла пол. Все бы ничего, но, стянув с костлявых плеч Джейсона футболку и позволив ему раздеть себя и приступить к приятной прелюдии, она внезапно вспомнила, что весь ее запас презервативов находится в пакете с туалетными принадлежностями, который она перед уходом оставила в ванной первого этажа, потому что обычную ее ванную заняли немцы; так что сама ее любовь к чистоте тоже стала вдруг источником затруднения. Поцеловав аккуратно обрезанный восставший член Джейсона,

она прошептала: “Одну минуточку, сейчас вернусь” и накинула халат, а полностью его запахла и подпоясала уже на полпути между вторым и первым этажом, и тогда же она сообразила, что не объяснила Джейсону, куда и зачем отправилась.

– Черт, – буркнула она и затормозила. Джейсон не выглядел дико неразборчивым в половом отношении, у нее имелся еще не просроченный рецепт на утренние таблетки, и в ту минуту ей казалось, будто секс – единственное, где она на что-то годна; однако пренебречь телесной чистотой она не могла. Ей стало жалко себя: для кого еще секс сопряжен со столь изощренной логистикой? Словно это вкусная рыбка с кучей мелких косточек. За ее спиной, за дверью супружеской спальни, жена Стивена на повышенных тонах рассуждала о моральном высокомерии.

– Лично я предпочту моральное высокомерие, – перебил ее Стивен, – если альтернатива – согласиться с божественным планом, обрекающим на нищету четыре миллиарда человек.

– В этом самая суть морального высокомерия! – торжествующе воскликнула жена.

Желание, которое пробудил в Пип голос Стивена, было глубже и сильнее того, что она чувствовала к Джейсону, и ей тут же пришло в голову, что она-то моральным высокомерием уж точно не грешит, скорее – заниженной самооценкой: готова переспать не с тем, кого хочет на самом деле. Она спустилась на цыпочках на первый этаж, миновала наваленные в коридоре стройматериалы с помойки. В кухне немка Аннагрет говорила по-немецки. Пип проскочила в ванную, сунула в карман халата полоску из трех презервативов, осторожно выглянула за дверь и тут же втянула голову обратно: Аннагрет теперь стояла в дверях кухни.

Аннагрет, темноглазая красавица с приятным голосом, была живым опровержением предвзятых мнений Пип об уродстве немецкого языка и голубых глазах его носителей. Она и ее бойфренд Мартин проводили отпуск, путешествуя по американским трущобам, распространяя, как они говорили, сведения об их международной организации, занимающейся защитой прав сквоттеров⁴, и устанавливая связи с американским движением против ядерного оружия; но создавалось впечатление, что в основном они снимали друг друга на фоне жизнерадостных граффити в гетто. В прошлый вторник за общим ужином, от которого Пип не могла уклониться, поскольку подошла ее очередь готовить, жена Стивена прицепилась к Аннагрет насчет ядерной программы Израиля. Жена Стивена была из тех, кто не прощает другим женщинам их красоту (тот факт, что против Пип она ничего не имела, а, напротив, пыталась обращаться с ней по-матерински, подтверждал невысокое мнение Пип о собственной внешности), и привлекательность Аннагрет, дававшаяся ей без малейших усилий – даже дикарская стрижка и яростный пирсинг бровей не столько портили эту красоту, сколько оттеняли, – так расстроила жену Стивена, что та наговорила об Израиле массу глупостей. А поскольку так вышло, что ядерная программа Израиля была единственной в области разоружения темой, в которой Пип, сделав недавно по ней доклад в исследовательской группе, неплохо разбиралась, и поскольку она болезненно ревновала Стивена к его жене, она вмешалась в разговор и пять минут излагала доказательства наличия у Израиля ядерного оружия.

Как ни странно, этим она произвела глубокое впечатление на Аннагрет. Провозгласив, что Пип ее “полностью покорила”, немка увлекла ее в гостиную, и там, на диване, они долго вели девичий разговор. Устоять перед Аннагрет, если она одарила тебя вниманием, было невозможно, и когда она повела речь о знаменитом Робин Гуде интернета Андреасе Вольфе, с которым она, как выяснилось, была знакома, и сказала, что именно такие молодые люди, как Пип, требуются проекту Вольфа “Солнечный свет”, и стала настаивать, чтобы Пип бросила свою ужасную и почти бесплатную работу и подала заявку на оплачиваемую практику – в Проекте как раз открылось несколько вакансий, – и когда она добавила, что Пип почти гарантированно получит одно из этих мест – нужно всего-то, пока Аннагрет в городе, ответить на

⁴ Сквоттеры – лица, самовольно занимающие пустые помещения или незанятые земельные участки.

вопросы анкеты, которая у нее есть с собой, – Пип почувствовала себя столь востребованной, столь *желанной*, что пообещала заняться анкетой. К тому времени она уже четыре часа тянула дешевое вино, наливая себе из большой бутылки.

Наутро, протрезвев, она пожалела о своем обещании. Андреас Вольф с его Проектом находился сейчас в Южной Америке, потому что в разных странах Европы и в США были выписаны ордера на его арест по обвинениям в хакерстве и в шпионаже, а Пип никак не могла бросить маму и уехать в Южную Америку. Кроме того, хотя в глазах некоторых ее друзей Вольф был героем, да и сама она испытывала кое-какой интерес к его идее, что секретность – это угнетение, а открытость – свобода, Пип не была политически ангажированным человеком, она всего лишь плелась следом за Стивеном и то загоралась политикой, то остывала к ней, занималась ею приступами, как фитнесом. Кроме того, этот самый “Солнечный свет”, о котором Аннагрет говорила так страстно, – не культ ли это? Кроме того, едва она ответит на анкету, наверняка сразу выяснится, что она далеко не так умна и эрудированна, как могло показаться после ее пятиминутной речи об Израиле. По всем этим причинам Пип с тех пор избегала немцев, пока сегодня утром, собираясь в кафе читать с Джейсоном одну воскресную “Таймс” на двоих, не обнаружила записку от Аннагрет – записку до того обиженную, что Пип сочла своим долгом оставить перед ее дверью ответную с обещанием сегодня же вечером все обсудить.

Теперь же, когда ее желудок все громче жаловался на пустоту внутри, ей пришлось дожидаться перемены в потоке немецких слов, которая подсказала бы, что Аннагрет ушла с порога кухни. Дважды, точно собака, слушающая людскую речь, Пип уловила в этом потоке свое имя. Если бы она могла в эту минуту ясно соображать, она вошла бы в кухню, сообщила бы, что ее наверху ждет парень и потому сейчас ей не до анкеты, и отправилась бы к себе. Но голод отбил ей соображение, да и секс из-за него отошел на второй план, превратился в абстракцию.

Наконец послышались шаги, скрипнул кухонный стул. Пип ринулась прочь из ванной, но зацепилась за что-то подолом халата. За гвоздь, торчавший из помоечной деревяшки. Пип едва увернулась от падающих досок, и тут у нее за спиной раздался голос Аннагрет:

– Пип! Пип, я тебя уже три дня ищу.

Пип обернулась – Аннагрет неумолимо приближалась к ней.

– Привет, да, извини, – забормотала она, торопливо поправляя доски. – Но сейчас я не могу. У меня там... Давай завтра?

– Нет, – улыбнулась Аннагрет. – Давай сейчас. Идем, идем, ты же обещала.

– Гм. – Пип никак не удавалось расставить приоритеты. На кухне, где расположились немцы, имелись также хлопья и молоко. Может быть, ничего страшного, если перед возвращением к Джейсону она слегка подкрепится? Может быть, кукурузные хлопья придадут ей энергии, сделают более отзывчивой, помогут достичь результата?

– Я сбегая на секундочку наверх. На одну секундочку, ладно? И тут же вернусь, честное слово.

– Нет-нет, идем сейчас. Идем-идем. Несколько минут всего, десять минут. Увидишь, это интересно, это всего-навсего формальность. Идем. Мы тебя весь вечер ждали. Сейчас пойдем и сделаем это, ja?

Красавица Аннагрет манила ее на кухню. Пип понимала, что не нравится в немцах Дрейфусу, и вместе с тем просто подчиняться приказам было для нее облегчением. К тому же она уже пробыла внизу так долго, что малоприятно будет бежать наверх и просить Джейсона потерпеть еще, а в ее жизни и так было столько всего малоприятного, с чем не хотелось встречаться, что она завела привычку откладывать встречу как можно дольше, пусть даже отсрочка означала, что встреча в итоге окажется еще неприятнее.

– Дорогая Пип, – сказала Аннагрет, поглаживая волосы Пип (та сидела за кухонным столом, ела хлопья из большой миски и не особенно хотела, чтобы ее волосы кто-то трогал), – спасибо, что согласилась сделать это для меня.

– Только давай по-быстрому, хорошо?

– Да, сама увидишь. Это всего-навсего формальность. Ты очень похожа на меня в твоём возрасте, когда я искала цель в жизни.

Это Пип тоже не понравилось.

– Так, – сказала она. – Ты уж прости, что я об этом спрашиваю, но ваш Проект – случайно не культ?

– Культ? – расхохотался на другом конце стола Мартин, весь состоявший из щетины и арафатки. – Разве что культ личности.

– Ist doch Quatsch, du, – в сердцах возразила ему Аннагрет. – Also wirklich.

– Прости, что ты сказала? – переспросила Пип.

– Говорю, что он несёт вздор. Проект – вовсе не культ, наоборот. Это честность, правда, открытость, свобода. Его терпеть не могут власти именно тех стран, где царит культ личности.

– Но руководитель Проекта очень *харизматический*, – заметил Мартин.

– Харизматический? – поправила Пип.

– Да, харизматический. У меня вышло похоже на арифметику. Андреас Вольф – харизматическая личность. – Мартин вновь рассмеялся. – Прямо-таки словарный пример. Как использовать слово “харизматический”. “Андреас Вольф – харизматическая личность”. Все понятно без пояснений, и вы сразу видите, что значит это слово. Он и есть определение этого термина.

Мартин, похоже, подкалывал Аннагрет, Аннагрет это не нравилось, и Пип угадала или решила, будто угадала, что Аннагрет когда-то прежде спала с Андреасом Вольфом. Она была старше Пип как минимум лет на десять, а то и на пятнадцать. Из полупрозрачной пластиковой папки – на вид европейского производства – она извлекла несколько страниц чуть длиннее и уже американских.

– Ты что-то вроде вербовщицы? – спросила Пип. – Разъезжаешь повсюду с этой анкетой?

– Да, я уполномочена, – ответила Аннагрет. – Вернее, не уполномочена, мы не признаем таких вещей. Просто одна из тех, кто делает эту работу в нашей группе.

– За этим ты и приехала в Штаты? Набирать людей?

– Аннагрет – *многостаночница*, – сказал Мартин, улыбаясь восхищенно и в то же время саркастически.

Аннагрет попросила его оставить их с Пип в покое, и он двинулся в сторону гостиной, до сих пор, видимо, пребывая в блаженном неведении о том, как мало Дрейфусу приятно его общество. Пип воспользовалась паузой, чтобы насыпать себе еще хлопьев; по крайней мере, в графе “питание” будет проставлена галочка.

– Если бы не эта ревность, у нас с Мартином были бы отличные отношения, – прокомментировала Аннагрет.

– К кому он ревнует? – спросила Пип, жуя. – К Андреасу Вольфу?

Аннагрет покачала головой.

– Я долгое время была очень близка с Андреасом, но это кончилось за несколько лет до знакомства с Мартином.

– То есть ты была тогда совсем юной.

– Мартин ревнует меня к подругам. В чем немецкий мужчина, даже вполне хороший, видит самую большую угрозу? В близкой дружбе между женщинами у него за спиной. Это его страшно расстраивает, как будто мир оказался не таким, каким должен быть. Как будто мы вместе выводим все его тайны, лишим его власти, а то и вообще научимся без него обходиться. У тебя таких проблем не возникает?

– Нет, боюсь, я сама ревнующая сторона.

– Ну так вот, поэтому Мартин ревнует и к интернету, ведь по большей части я общаюсь с подругами в сети. У меня много подруг – настоящих, – с которыми я никогда не встречалась. Электронная почта, социальные сети, форумы. Мартин, я знаю, иногда смотрит порно-

графию, у нас нет друг от друга секретов, а если бы не смотрел, он был бы один такой мужчина в Германии; мне кажется, порнография в интернете специально для них и создана, для немецких мужчин, потому что им нравится быть в одиночестве, все контролировать и предаваться фантазиям о власти. Но он говорит, он смотрит ее только потому, что у меня слишком много подруг в интернете.

– Что, конечно, похоже на ту же порнуху, только для женщин, – заметила Пип.

– Нет. Ты потому так говоришь, что еще молода и, может быть, не так сильно нуждаешься в дружбе.

– А ты никогда не думала просто перейти на женщин?

– В Германии сейчас все с этим довольно скверно – с мужчинами и женщинами, – ответила Аннагрет, и почему-то было ясно, что это означает “нет”.

– Я вот что пыталась сказать: что интернет многие потребности удовлетворяет на расстоянии. И мужские, и женские.

– Но женскую потребность в дружбе интернет действительно удовлетворяет, это не фантазии. А поскольку Андреас понимает силу интернета, его власть, понимает, как много он может значить для женщин, Мартин и к Андреасу ревнует – вот в чем дело, а не в том, что я когда-то была близка с Андреасом.

– Ясно. Но если Андреас – харизматический лидер, значит, он обладает властью, и чем же он тогда отличается в твоих глазах от всех прочих мужчин?

Аннагрет покачала головой:

– Андреас – фантастическая личность, он понимает, что интернет – величайший в истории инструмент выявления правды. И что интернет говорит нам? Что все в обществе на самом деле вращается вокруг женщин, а не мужчин. Мужчины смотрят на изображения женщин, женщины общаются с другими женщинами.

– По-моему, ты забываешь про гей-секс и видео с котиками, – заметила Пип. – Но давай к анкете. Меня там наверху, видишь ли, ждет парень, поэтому не удивляйся, что я в халате на голое тело.

– Прямо сейчас ждет? Наверху? – взволновалась Аннагрет.

– Я думала, анкета коротенькая, разве нет?

– Может быть, он придет как-нибудь в другой раз?

– Нет уж, давай без таких крайностей.

– Тогда сходи скажи ему, что тебе нужно несколько минут всего, десять минут на важный разговор с подругой. Пусть *он* для разнообразия побудет ревнующей стороной.

И Аннагрет ей подмигнула; этому умению Пип могла только завидовать, ведь подмигивание – противоположность сарказму.

– Давай лучше сразу, бери меня тепленькой, – сказала Пип.

На эти вопросы, заявила Аннагрет, нет правильных и неправильных ответов; Пип не верилось – ведь зачем нужна анкета, если не может быть неправильных ответов? Красота Аннагрет, однако, была очень убедительной. Глядя на нее через стол, Пип воображала, будто происходит собеседование на должность Аннагрет.

– “Какой из перечисленных суперсил Вы предпочли бы обладать? – прочла Аннагрет. – Умением летать, читать мысли или останавливать время для всех, кроме Вас”.

– Читать мысли, – сказала Пип.

– Хороший ответ – хотя тут нет правильных и неправильных.

Улыбка Аннагрет была такой теплой – хоть окупись в нее, а Пип все еще тосковала по колледжу, где ей хорошо давались тесты.

– “Объясните свой выбор”, – прочла Аннагрет.

– Потому что я не доверяю людям, – сказала Пип. – Даже мама, которой я верю, кое о чем умалчивает, об очень важном, и было бы здорово иметь возможность про это узнать,

не обращаясь к ней. Я бы выяснила что мне надо, а она бы не переживала. И так с каждым, буквально с каждым: я никогда толком не знаю, что обо мне думают, а угадывать плохо получается. Было бы здорово, если бы я могла просто нырнуть человеку в голову, всего на пару секунд, и убедиться, что все в порядке, что он не думает про меня тайком ничего ужасного, – и тогда я бы могла ему доверять. Ни для чего плохого я бы этим не пользовалась, нет. Но ведь так тяжело – жить и никому не доверять. Столько сил приходится тратить, чтобы разобраться, чего от меня хотят. Это так утомительно!

– О, Пип, будь моя воля, я бы дальше тебя не спрашивала. Все, что ты говоришь, – просто фантастика!

– Правда? – печально улыбнулась Пип. – Но понимаешь, я даже сейчас начинаю думать, почему ты это сказала. Может быть, просто пытаешься сделать так, чтобы я продолжала отвечать на вопросы? И кстати, я вообще не могу понять, почему это для тебя так важно.

– Мне ты можешь доверять. Просто ты произвела на меня такое впечатление...

– Послушай, ведь это бессмыслица какая-то, я ни на кого не произвожу особого впечатления. И в ядерном оружии не очень-то разбираюсь, только про Израиль и знаю. Я ни капельки тебе не доверяю. Не доверяю. Я вообще никому не доверяю. – Пип чувствовала, что лицо становится горячим. – Знаешь, мне, пожалуй, пора. Сколько парень может меня ждать.

По идее этого было достаточно, чтобы Аннагрет отпустила ее или хотя бы извинилась, что задерживает, однако та (видимо, что-то немецкое?) была, похоже, малочувствительна к сигналам.

– Нужно следовать правилам, – сказала она. – Формальность, но мы должны ее соблюдать. Она похлопала Пип по руке, а потом и погладила.

– Мы быстро.

Пип странно было, что Аннагрет все время ее трогает.

– “Ваши друзья исчезают. Не отвечают на эсэмэс, на сообщения в Фейсбуке, не берут трубку. Вы обращаетесь к их работодателям, и Вам говорят, что на службе они не появлялись. Вы звоните их родителям, те тоже очень встревожены. Вы идете в полицию и там узнаете, что расследование уже проведено, с Вашими друзьями все в порядке, но они переехали в другие города. И так постепенно исчезают все Ваши друзья до единого. Как Вы поступите? Будете ждать вашего собственного исчезновения, надеясь после этого узнать, что произошло с друзьями? Попытаетесь провести свое расследование? Сбежите?”

– Исчезают только мои друзья? – уточнила Пип. – А на улице по-прежнему полно людей моего возраста?

– Да.

– Честно говоря, я бы, наверно, обратилась к психиатру.

– А психиатр сам поговорит с полицией и убедится, что все так и есть.

– Ну, тогда по крайней мере один друг у меня будет – психиатр.

– Потом психиатр тоже исчезает.

– Полный бред. Как будто из головы Дрейфуса.

– Ждать, расследовать или бежать?

– Или покончить с собой. Как насчет этого варианта?

– Неправильных ответов не бывает.

– Наверно, я бы поехала к маме. Чтобы она все время была у меня на глазах. А если все-таки и она исчезнет, я, скорее всего, покончу с собой, потому что будет очевидно, что любая связь со мной вредна для здоровья.

Аннагрет снова улыбнулась:

– Замечательно.

– *Что?*

– Ты справляешься очень, очень хорошо, Пип. – Она перегнулась через стол и обеими ладонями, горячими ладонями обхватила щеки Пип.

– Самоубийство – это правильный ответ?

Аннагрет убрала руки.

– Тут нет неверных ответов.

– Тогда твое “хорошо справляешься” мало что значит.

– “Что из перечисленного Вам случилось сделать без разрешения: влезть в чужую электронную почту, читать содержимое чужого смартфона, шарить в чужом компьютере, читать чужой дневник, просматривать чужие личные бумаги, слушать чужой частный разговор, когда Ваш телефон случайно к нему подключился, получить под ложным предлогом информацию о другом человеке, прижаться ухом к стене или двери, чтобы подслушать разговор, или что-либо подобное?”

Пип нахмурилась.

– Можно пропустить этот вопрос?

– Доверься мне. – Аннагрет в очередной раз притронулась к ее ладони. – Правильнее будет ответить.

Поколебавшись, Пип выложила:

– Я просмотрела каждый клочок бумаги, какой нашла у мамы. Если бы она вела дневник, я бы и его прочла, но дневника нет. Если бы у нее была электронная почта, я бы в нее влезла. В интернете я обшарила все базы данных, какие только могла. Я этим ни капельки не горжусь, но она отказывается назвать мне имя моего отца, скрывает место моего рождения и даже свое настоящее имя. Она говорит, что таким образом хочет защитить меня, но мне кажется, угроза существует только у нее в голове.

– Все это тебе следует знать, – сумрачно подтвердила Аннагрет.

– Да.

– Ты имеешь право знать.

– Да.

– Ты понимаешь, что “Солнечный свет” может помочь тебе это выяснить?

Сердце Пип забило – отчасти потому, что прежде ей такое не приходило в голову и перспектива пугала, но главным образом потому, что она почувствовала: вот тут начинается настоящее соблазнение, все прикосновения Аннагрет были всего лишь прелюдией. Она отняла ладонь и нервно обхватила себя руками.

– Я думала, Проект занимается государственными и корпоративными секретами.

– Да, конечно. Но у Проекта большие возможности.

– Тогда, может быть, я просто напишу им и попрошу дать информацию?

Аннагрет покачала головой:

– Это же не детективное агентство.

– А если бы я поехала туда и прошла практику?

– Тогда другое дело.

– Что ж, интересно.

– Есть над чем подумать, ja?

– Ja-ah, – отозвалась Пип.

– “Вы путешествуете по чужой стране, – прочла Аннагрет, – и ночью к Вам в гостиницу является полиция, арестовывает Вас и обвиняет в шпионаже, хотя Вы не шпионили. Вас привозят в полицию. Вам разрешено сделать один звонок при условии, что он будет полностью прослушиваться. Вас предупреждают: тот, к кому Вы обратитесь, тоже окажется под подозрением в шпионаже. Кому Вы позвоните?”

– Стивену, – ответила Пип.

По лицу Аннагрет пробежала тень разочарования.

– Этому Стивену? Который здесь живет?

– Да, а что в этом такого?

– Прости, я думала, ты скажешь: маме. До сих пор ты упоминала ее в каждом ответе. Это же единственный человек, которому ты веришь.

– Да, но только в глубоком смысле, – сказала Пип. – Она в такой ситуации с ума сойдет от тревоги, она понятия не имеет, как в мире все устроено, и не сообразит, куда обратиться, чтобы меня вытащить. А Стивен точно будет знать, кому позвонить.

– На мой взгляд, он слабоват.

– Что?

– Ну, слабоват. Живет с этой сердитой, властной особой.

– Да, брак у него несчастливый – уж это-то я знаю.

– Ты к нему равнодушна! – в смятении воскликнула Аннагрет.

– Да, а что?

– Ты мне этого не сказала. Мы сидели с тобой на диване, обо всем друг другу рассказывали, а об этом ты умолчала.

– А ты не говорила, что спала с Андреасом Вольфом!

– Андреас – публичная персона. Я должна соблюдать осторожность. Да и было это много лет назад.

– Ты говоришь о нем так, словно в любой момент рада бы все повторить.

– Пип, пожалуйста! – Аннагрет схватила ее за руки. – Давай не будем ссориться. Я не знала, что тебя интересует Стивен. Прости меня.

Но рана, нанесенная словом “слабоват”, болела все сильнее, и Пип была в ужасе от того, сколько всего личного уже выложила этой женщине, до того уверенной в своей красоте, что способна воткнуть себе в лицо кучу металла и стричься так, словно в ход шли не ножницы, а секатор. Пип, у которой причин для такой уверенности в себе не было, вырвала руки, встала и со стуком опустила свою миску в раковину.

– Ладно, я пошла.

– Но у нас еще осталось шесть вопросов...

– Потому что я, конечно, не поеду ни в какую Южную Америку и тебе я ни капельки не доверяю, ни вот настолечко, так что ехала бы ты лучше со своим дрожащим дружком в Лос-Анжелес, ищи себе там, кто вас пустит к себе жить, и подсовывай свою анкету таким, кто не влюбляется в слабаков вроде Стивена. Я вас в этом доме видеть не хочу, и другие тоже не хотят. Если бы ты меня хоть чуточку уважала, давно бы поняла, что я не хочу тут сейчас находиться.

– Пип, прошу тебя, погоди, я правда очень, очень виновата. – Аннагрет выглядела искренне расстроенной. – Можно на этом и закончить с анкетой...

– Я думала, это всего-навсего формальность, которую надо соблюсти. Надо, надо... Господи, ну и дура же я.

– Нет, Пип, ты очень умная. Ты просто фантастическая. Только мне кажется, ты сейчас немножко больше, чем нужно, заиклена на мужчинах.

Новое оскорбление. Пип только молча таращила глаза.

– Мне кажется, тебе нужна подруга, женщина чуть постарше, которая в молодости была во многом такая же, как ты.

– Ты никогда не была как я, – отрезала Пип.

– Ты ошибаешься. Сядь, пожалуйста, ја? Давай поговорим.

Голос Аннагрет был таким шелковисто-властным, а ее оскорбительное замечание проливалось такой унижительный свет на присутствие Джейсона в спальне Пип, что Пип чуть было не послушалась и не села. Но, испытав прилив недоверия к человеку, она физически не могла оставаться с ним рядом. Она ринулась по коридору, не оборачиваясь ни на скрежет отодвигаемого стула, ни на звук своего имени.

На втором этаже остановилась выпустить пар. Стивен слабоват? Она слишком много думает о мужчинах? *Вот уж спасибо так спасибо. Здорово прибавила мне уверенности.*

У Стивена супружеская ссора стихла. Пип очень осторожно придвинулась поближе к его двери, подальше от баскетбола на первом этаже, и прислушалась. Вскоре заскрипели кроватные пружины, а затем донесся недвусмысленный полувздых-полустон, и Пип поняла: Аннагрет права, Стивен действительно слабоват, более чем... хотя что, собственно, такого в том, что муж и жена занялись сексом? Этот звук, плюс мысленная картина, плюс ощущение, что она тут лишняя, – все это наполнило Пип тоской, унять которую она могла лишь одним способом.

Она поспешила наверх, шагая через ступеньку, словно пять секунд могли искупить получасовое отсутствие. Перед дверью сделала кроткое, виноватое лицо – с мамой это неплохо срабатывало сотни раз. Приоткрыла дверь и заглянула внутрь с таким именно видом. В комнате горел свет, Джейсон был одет и, сидя на краю матраса, что-то увлеченно печатал на телефоне.

– Тс-с, – шепнула Пип. – Очень на меня сердисься?

Он покачал головой.

– Просто я обещал сестре вернуться к одиннадцати.

Слово *сестра* наполовину стерло извинение с лица Пип; правда, Джейсон на нее не смотрел. Она вошла, села рядом, дотронулась.

– Но еще ведь нет одиннадцати?

– Двадцать минут двенадцатого.

Она положила голову ему на плечо, взялась обеими руками за его руку выше локтя. Ладонями чувствовала по работе мышц, как он печатает.

– Ну прости меня, – сказала она. – Не могу объяснить, что случилось. Вернее, могу, но не хочется.

– Не надо ничего объяснять. Я и так догадывался.

– О чем?

– Ни о чем. Неважно.

– Нет, о чем все-таки? О чем ты догадывался?

Он перестал набирать эсэмэс и уставился в пол.

– Я и сам не сказать чтобы такой уж прямо нормальный. Но сравнительно...

– Я хочу заняться с тобой нормальной любовью. Может быть, еще не поздно? Хотя бы полчаса. Скажи сестре, что немного задержишься.

– Послушай, Пип. – Он нахмурился. – Кстати, тебя действительно так зовут?

– Так я себя называю.

– Почему-то, когда я говорю “Пип”, мне кажется, что я не к тебе обращаюсь. Не знаю... Пип, Пип... Звучит как-то... не пойму.

Извинение исчезло с лица Пип полностью, и она отняла руки. Она понимала, что должна удержаться от вспышки, но не справилась. Максимум, что ей удалось, – это не повышать голоса.

– Так, – сказала она. – Имя мое тебе не нравится. Что еще тебе во мне не нравится?

– Ой, брось. Сама ведь оставила меня тут на час. Даже больше.

– Ага. А тебя сестра дома ждет.

Опять произнести это слово – *сестра* – было все равно что кинуть спичку в духовку, полную газа. В голове у нее что-то полыхнуло. Пип постоянно носила в себе злость, готовую взорваться.

– Нет, серьезно, – заговорила она с колотящимся сердцем. – Ты вполне можешь мне перечислить все, что тебе во мне не нравится, ведь секса у нас уже явно никогда не будет, раз я ненормальная. Но все-таки будь добр, помоги мне понять, что во мне такого уж ненормального.

– Да ладно тебе, – сказал Джейсон. – Я мог просто взять и уйти.

Самодовольное чувство собственной правоты, прозвучавшее в его голосе, подожгло в ней новую, более обширную и рассеянную массу газа, горючую политическую смесь, которой ее

сначала подпитывала мать, затем некоторые преподаватели в колледже и фильмы определенного рода, а теперь еще и Аннагрет, – ощущение того, что один преподаватель назвал несправедливой *анизотропией* гендерных отношений: парень спокойно может камуфлировать свои потребности, объективируя девушку, с помощью языка чувств, девушка же играет в его эротическую игру на свой страх и риск и может остаться ни с чем, если объективирует его, и оказаться жертвой, если нет.

– Когда твой член был у меня во рту, ты что-то не жаловался, – сказала она.

– Я не сам его туда сунул. Да и пробыл он там недолго.

– Потому что мне пришлось идти вниз за презервативом, чтобы ты мог сунуть его в меня.

– Ух ты! Так это я теперь во всем виноват?

Сквозь пелену то ли огня, то ли горячей крови Пип вдруг увидела его телефон.

– Ты что! – крикнул Джейсон.

Но она уже вскочила и отбежала в дальний конец комнаты с гаджетом в руке.

– Послушай, так нельзя!

Он кинулся к ней.

– Очень даже можно.

– Нет, нельзя, нечестно. Эй! Эй! Отдай!

Она втиснулась под детский письменный стол, который был у нее единственным предметом мебели, повернулась лицом к стене и обхватила ногой ножку стола. Джейсон попытался вытащить ее за пояс халата, но не смог, а более грубого насилия применять, судя по всему, не хотел.

– Ты что, припадочная? – спросил он. – Да что ты творишь?

Дрожащими пальцами Пип включила экран.

Встретимся в 4 в музее.

– Черт, черт, черт! – твердил Джейсон, расхаживая у нее за спиной. – Да что же это такое!

Она потыкала в экран и отыскала более позднюю переписку.

Coitus interruptus maximus!⁵

62 мин и все еще нет.

Она хоть клевая?

Лицо милое, фигура потрясающая.

Дай определение потрясающей фигуры. Сиськи?

8 с гаком.

Стоит подождать.

Вери себе, если любишь с приветом.

68 мин!

Она наклонилась вбок, положила телефон на пол и подтолкнула к Джейсону. Злость выгорела так же быстро, как вспыхнула, осталась только пепельная горечь.

– Просто у некоторых моих друзей такая манера общаться, – сказал Джейсон. – Это ничего не значит.

– Пожалуйста, уходи, – тихо попросила она.

– Давай начнем сначала. Может, получится перезагрузиться? Я виноват, прости.

Он положил руку ей на плечо; она резко им повела. Он убрал руку.

⁵ Величайший прерванный половой акт (*лат.*).

– Ладно, слушай, давай завтра поговорим, хорошо? – предложил он. – Сегодня мы оба что-то не на высоте.

– Просто уходи, очень тебя прошу.

“Возобновляемые решения” ничего не производили, не строили и даже не устанавливали. Приспосабливаясь даже не к правовому *климату*, а к правовой *погоде*, меняющейся от месяца к месяцу, а порой чуть ли не от часа к часу, компания “предоставляла пакеты услуг”, “осуществляла посредничество”, “собирала информацию”, “проводила исследования” и “поставляла клиентуру” – в теории все это выглядело очень даже достойно. Америка выбрасывает в атмосферу слишком много углерода, использование возобновляемых энергоресурсов могло бы помочь с решением этой проблемы, органы власти штата и всей страны постоянно вводят различные налоговые послабления, энергетические компании в целом не прочь “озеленить” свой имидж, и не столь уж малая часть калифорнийских домохозяйств и предприятий готова приплачивать за более чистое электричество; эти добавочные деньги от многих тысяч плательщиков, плюс деньги из федерального бюджета и из бюджета штата, минус деньги, которые шли компаниям-производителям и тем, кто устанавливал оборудование, составляли доход, откуда платилась зарплата пятнадцати сотрудникам “Возобновляемых решений” и дивиденды вложившимся в компанию венчурным капиталистам. С ключевыми словами в компании тоже все было хорошо: *коллектив, сообщество, сотрудничество*. Пип как раз и хотела творить добро – может быть, за недостатком более масштабных амбиций. Мать внушила ей мысль, что в жизни надо иметь моральную цель, а из колледжа она вынесла тревогу и чувство вины по поводу разрушительного уровня потребления в стране. Но в “Возобновляемых решениях” Пип никогда не могла до конца уразуметь, чем именно она торгует, пусть даже ей удавалось находить на свой товар покупателей, а как только это ей становилось более-менее ясно, ей поручали продавать что-нибудь другое.

Сначала (теперь, задним числом, это смущало ее меньше, чем все последующее) она находила малые и средние предприятия, готовые заключить договор о покупке электроэнергии, пока штат не запретил таким компаниям, как “Возобновляемые решения”, взимать свои небольшие комиссионные. Потом ей поручили работать с домохозяйствами в районах, где *в перспективе* можно было использовать возобновляемую энергетику: каждый дом, участвующий в программе, приносил “Возобновляемым решениям” вознаграждение от некой третьей стороны или сторон, которые создавали рынок фьючерсов – по идее доходный. Затем она проводила среди жителей таких районов “исследование”: выясняла, в какой мере они готовы к повышению налогов или к перекройке муниципальных бюджетов ради перехода на возобновляемые источники; когда Пип заметила Игорю, что рядовые граждане не располагают достаточной информацией, чтобы отвечать на ее вопросы, тот сказал ей, что она ни при каких обстоятельствах не должна делиться подобными сомнениями с респондентами, потому что положительный отклик – это доход не только компаний-производителей, но и тех малопонятных третьих сторон, что занимаются фьючерсами. Пип чуть было не уволилась, но тут доходность откликов уменьшилась, и ее перевели на учебные программы, связанные с солнечной энергией. Шесть сравнительно приятных недель, пока в бизнес-модели не обнаружился изъян. И теперь, с апреля, она пыталась формировать вдоль южной части залива Сан-Франциско микроколлективы жителей, заинтересованных в энергетической утилизации отходов.

Ее сослуживцы в отделе привлечения клиентов, конечно, впаривали людям такую же лажу. У них потому получалось лучше, чем у нее, что, распространяя очередной “продукт”, они даже и не пытались понять, что он собой представляет. В подачу “продукта” они вкладывались всей душой, как бы смешно и/или бессмысленно это ни было, а если потенциальный клиент не понимал “продукта”, не признавали вслух, что тут и правда так сразу не разберешься, не предпринимали честных усилий объяснить непростую суть дела, а просто молотили дальше

по писаному. Это был, разумеется, верный путь к успеху и источник двойного разочарования для Пип, которая не только чувствовала себя наказанной за то, что пользуется мозгами, но и каждый месяц получала свежие доказательства того, что средний клиент лучше клюет на полубессмысленную зазубренную заготовку, чем на искренние старания участливой девушки-агента разъяснить суть предложения. Лишь когда ее сажали на рассылку или на распространение информации в соцсетях, у Пип пропадало ощущение, что ее способности растрачиваются попусту: поскольку она выросла без телевизора, с письменной речью у нее был порядок.

Сегодня, в понедельник, она беспокоила звонками многочисленных пенсионеров из жилого микрорайона Ранчо-Анчо в округе Санта-Клара, которые не пользовались соцсетями и не отреагировали на ковровую бомбардировку рекламными письмами. Микроколлектив имело смысл создавать только в том случае, когда на предложение отзывались почти все жители, организатора отправляли на место лишь по достижении пятидесятипроцентного отклика, а до той поры Пип не набирала ни одного балла за “широту охвата”, сколько ни трудилась.

Она надела наушники, заставила себя снова посмотреть на таблицу звонков и выругала ту прежнюю Пип, что часом раньше, перед перерывом, выбрала из списка “изюм”, оставив на после обеда такие имена, как “Гуттеншвердер, Алоизиус” и “Баткевидж, Деннис”. Подобные заковыристые имена она терпеть не могла – стоит неправильно произнести, и клиент тут же замыкается в себе, – но, пересилив себя, храбро позвонила по первому номеру. У Баткевиджей мужской голос хрипло и хмуро произнес “алло”.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.